

Стратегии женского поведения в суде восемнадцатого века (по материалам Сыского приказа)*

Анастасия Видничук

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

Strategies of Women's Behaviour in Eighteenth-Century Courts (as Reflected in the Materials of the Investigative Chancellery)**

Anastasiya Vidnichuk

HSE University,

Moscow, Russia

This article analyses the main ways of acquittal and defence of women in Russian courts in the second quarter of the eighteenth century. Women's experiences of the investigative and judicial process in eighteenth-century Russia have not been the subject of specific research in historiography, nor have the discursive practices of male and female investigators. The paper focuses on two main questions: Were the accused able to construct their own narratives and thus influence the course of the trial? Were the female perpetrators able to exploit the existing gender order and turn it to their advantage? The aim of this article is to examine what opportunities for self-defence the modern Russian legal system offered, what limitations it imposed, how sensitive it was to the gender of the accused, and how women on trial were able to influence the course of the trial. The study is based on a series of investigative materials produced by the Investigative Chancellery between 1730 and 1750. By analysing the speeches of the accused, their typology and comparing the information they contain with

---

* В статье использованы результаты проекта «Реформизм и дисциплинаризация в России раннего Нового времени» (Программа фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2023 г.).

** Citation: Vidnichuk, A. (2024). Strategies of Women's Behaviour in Eighteenth-Century Courts (as Reflected in the Materials of the Investigative Chancellery). In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 587–600. DOI 10.15826/qr.2024.2.897.

Цитирование: Vidnichuk A. Strategies of Women's Behaviour in Eighteenth-Century Courts (as Reflected in the Materials of the Investigative Chancellery) // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 587–600. DOI 10.15826/qr.2024.2.897 / Видничук А. Стратегии женского поведения в суде восемнадцатого века (по материалам Сыского приказа) // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 587–600. DOI 10.15826/qr.2024.2.897.

other testimonies, laws and judgements, it is possible to identify the main ways in which women were acquitted. The most common of these were “word and deed”, in the hope of being transferred to another institution or of delaying the sentence for the main offence; the inclusion of third parties in their testimony, referring to subornation or rape; false statements, including those concerning their social status; and the declaration of insanity. However, the only way of obtaining an acquittal that had any chance of success was for the accused to declare that she was pregnant. In general, the criminal process in modern Russia was structured in such a way that no strategies or tricks were taken into account. In the end, the only thing that mattered was the testimony of witnesses and the testimony of the accused under torture.

Keywords: Russia, 18th century, Investigative Chancellery, female criminality, gender history, protection strategies, court records

Представлен анализ основных способов оправдания и защиты женщин в российском суде второй четверти XVIII в. В историографии женский опыт прохождения следственного и судебного процесса в России XVIII в. не становился предметом специального исследования, так же как и дискурсивные практики подследственных – мужчин и женщин. Поднимаются два основных вопроса: могли ли подсудимые конструировать собственные нарративы и влиять таким образом на ход судебного процесса? Могли ли женщины, совершившие преступления, использовать существовавший гендерный порядок и заставить его играть в свою пользу? Цель статьи – определить, какие возможности самозащиты предполагала судебная система России Нового времени, какие ограничения она накладывала, насколько чувствительна она была к гендеру подсудимого. Исследование основано на комплексе судебно-следственных материалов, созданных в Сыском приказе с 1730 по 1750 г. Анализ речей подследственных, их типологизация и сопоставление информации из них с другими показаниями, с законодательством, с приговорами позволили выявить основные способы оправдания женщин. Чаще всего они проносили «слово и дело» в надежде перевестись в другое учреждение или отсрочить наказание за основное преступление, вводили в свои показания третьих лиц, ссылаясь на подговор, признавались в изнасиловании, давали ложные показания, в том числе о своем социальном статусе, заявляли о собственном безумии. Однако единственным способом оправдания, имевшим шансы на успех, было заявление подсудимой о своей беременности. В целом же уголовный процесс в России Нового времени был выстроен таким образом, что никакие отвлекающие стратегии и уловки не принимались во внимание и значение имели лишь показания свидетелей и признание обвиняемой, полученные под пытками.

Ключевые слова: Россия, XVIII в., Сыской приказ, женская преступность, гендерная история, стратегии защиты, судебно-следственные материалы

В монографии “Fiction in the archives” Натали Земон-Дэвис называет дискурсивные практики самооправдания французов XVI в. стратегиями [см.: Zemon Davis]. Стратегию отличает от тактики то, что первая рассчитана на более длительные временные промежутки, то есть условно стратегия – это путь, а тактика – один шаг на этом пути. Очевидно, что построение стратегии требует не только вложения временных и интеллектуальных ресурсов, но и достаточно высокого уровня понимания обстоятельств, текущей ситуации и умения в ней ориентироваться.

Поведение людей и их возможности самозащиты в российском суде XVIII в. за редким исключением [Кошелева] практически не привлекали внимания специалистов. Лишь некоторые аспекты данного вопроса освещались в контексте изучения преступности и отдельных преступлений [Каменский, 2006; Лавров].

Наличие стратегий у преступников предполагает, что в их показаниях можно увидеть рациональные линии поведения, продуманные и четко выстроенные легенды, что все их речи на следствии отличают последовательность и непротиворечивость, что они, задействуя определенные стереотипы и социальные представления, пытаются манипулировать мнением судей. Н. Земон-Дэвис анализирует особый вид источников – письма о помиловании, которые осужденные писали после вынесения вердикта и в ожидании исполнения приговора. В их распоряжении было некоторое время на то, чтобы продумать свою линию защиты, и услуги профессиональных адвокатов, но что самое главное – их прошения представляют собой их собственную прямую речь, а не версию, переданную канцелярским служащим. В российской судебной системе подобная практика отсутствовала, и единственная возможность как-то защитить себя у подсудимых была лишь в ходе самого следствия.

Между тем, судя по количеству дел, в которых обвиняемые уже на первом допросе признавались в содеянном даже в ситуациях, когда доказать их вину было очень сложно, они вовсе не были склонны к выстраиванию стратегий самозащиты. Такое положение дел было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, самой ситуацией столкновения с государством и нахождения под следствием, что вызывало у людей сильный страх, парализующий способность к рациональному мышлению¹. Во-вторых, невозможностью выстраивать собственный нарратив и необходимостью отвечать на прямые вопросы. В-третьих, даже если допрашиваемый пытался добавить что-то, о чем его не спрашивали, увести следствие в сторону, эти данные скорее всего не попали бы в протокол допроса, содержание которого полностью определялось служащим судебно-следственного учреждения.

В данной статье исследуются способы, посредством которых женщины – часть общества, традиционно считавшаяся слабой не только в существовавшем социальном, но и в гендерном порядке, – пытались

¹ О «государственном страхе» см.: [Анисимов, с. 451; Каменский, 2020].

защитить и оправдать себя в суде. Это позволит понять, насколько специфичен был женский опыт столкновения с государственной машиной. Являлся ли гендер фактором, который в суде можно было обратить в свою пользу? Сознали ли это и пользовались ли этим женщины, попавшие в судебное учреждение?

В основу исследования положены судебно-следственные дела, сохранившиеся в фонде Сысского приказа [РГАДА. Ф. 372]. С момента своего учреждения в 1730 г. и по 1763 г. Сысский приказ являлся главным в Московской губернии ведомством, которое занималось уголовным судопроизводством («татинными, убивственными и разбойными делами»). В статье рассмотрены уголовные дела первых 20 лет работы Сысского приказа, поскольку они представляют собой относительно цельный период в отношении правоприменительной практики.

Систематизируя основные уловки, отговорки и оправдания, к которым прибегали женщины в суде, необходимо выявить, что можно считать продуманной стратегией, а что было скорее импульсивным решением, принятым в надежде отсрочить пытку или наказание.

Заявление о преступлении в аспекте «слова и дела». Это означало объявить, что обвиняемому что-то известно о совершенном или затеваемом государственном преступлении. Изначально в 1715 г. Петр I определил три пункта, которые касались самых опасных, с его точки зрения, государственных преступлений и изветы по которым находились под его собственной юрисдикцией: 1) о злом умысле против царской персоны; 2) о бунте; 3) о расхищении казны [Анисимов, с. 19–20]. В 1730 г. указом Анны Иоанновны третий пункт был изъят из перечня важнейших государственных преступлений, а первый был дополнен угрозой санкций за поношение царской чести «злыми и вредительными словами». Обычно женщины просто заявляли о знании за кем-то «слова и дела», не уточняя, по какому пункту. Для расследования подобных дел преступников отправляли в Тайную канцелярию.

Судя по всему, «слово и дело» довольно быстро стало для обывателей своеобразным стоп-сигналом, произнесение которого останавливало драку, отводило неминуемую расправу, ставило ситуацию на паузу или, наоборот, было способом привлечь внимание, напомнить о себе. К примеру, в 1742 г. во время ссоры и драки в колодничьей избе колодница Татьяна Иванова, «не стерпя того битья, хотела закричать караул, чтоб ее от того битья отнесли, и в беспамятстве своем сказала ея императорского величества слово и дело» [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 863. Л. 2–2 об.].

При этом люди зачастую не сознавали, какую опасность представляет ложное заявление о знании «слова и дела» и что их ждет после этого. Об этом говорит не только сам факт легкомысленно частых произнесений грозной формулы, но и то, что женщины отказывались сообщать какую бы то ни было информацию в Сысском приказе и требовали отправить их в Тайную канцелярию. В 1742 г. бывшая дворовая, а теперь колодница Татьяна Васильева объявила, что знает «слово и дело» по первому пункту за дворовыми своего бывшего хозяина, выдержала

три пытки в Сыскном приказе, добилась перевода в Тайную канцелярию и там отказалась от своих слов [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 858]. Вероятно, ее целью, как и в других случаях, было попасть в Тайную канцелярию, но никакого дальнейшего плана действий у нее не было.

Неизвестно, почему колодницы так желали перевода из Сыскного приказа: возможно, до них не доходили слухи о жестоких пытках, чинимых в Тайной канцелярии, и о суровых наказаниях за ложное произнесение «слова и дела». Некоторые из них, вероятно, надеялись совершить побег во время перевода, другие рассчитывали, что после наказания в Тайной канцелярии про основное их преступление забудут и их отпустят.

Не все произносившие роковую фразу настаивали на отправке в Тайную канцелярию, очевидно, их знания о судебной системе ограничивались уверенностью в том, что заявления о знании «слова и дела» произведут эффект, достаточный для того, чтобы об их предыдущих прегрешениях и вынесенных им вердиктах все забыли. Так, колодница Марфа Иванова, сказавшая «слово и дело», в 1745 г. на первой же пытке призналась, что хотела «отбыть по делам своим розыску» [Там же. Д. 1329. Л. 8].

Какие бы цели ни преследовали женщины при ложном объявлении за собой «слова и дела», очевидно, что их понимания судебного процесса не хватало для выстраивания успешной стратегии. На практике ложь о государственном преступлении вела лишь к новым пыткам и наказаниям и обычно не помогала даже выиграть время.

Заявление о своей беременности. Беременную женщину по закону пытать и наказывать до родов запрещалось [Краткое изображение процессов или судебных тяжб, ч. 2, гл. 6, ст. 10], но необходимо было проверить ее слова, и для этого организовывался осмотр. В изученных нами делах нет сколько-нибудь подробного описания этой процедуры, но, судя по всему, «экспертами» тут выступали женщины старшего возраста, сидевшие в колодничьей избе, «старостихи женской бедности»². Если судить по другим случаям, описанным в существующих исследованиях [см., например: Каменский, 2022], убедительным (а фактически единственно доступным) доказательством считалась совокупность следующих признаков: следы наличия грудного молока и увеличенный живот. Все остальные признаки беременности были явны только для самой женщины и недоступны для внешнего определения. Очевидно, что этих двух признаков в большинстве случаев было мало для вынесения вердикта, и дело не обходилось без ошибок. Так, в 1750 г. жена служки Троице-Сергиевой Лавры Дарья Кипреянова в застенке объявила, что беременна, а осматривавшие ее колодницы это подтвердили. Дарью отпустили до родов, но в следующем году

---

² Лишь ближе к концу XVIII в. была официально оформлена профессия повитухи, в обязанности которой входили не только родовспоможение, но и освидетельствование женщин на предмет плодоизгнания или изнасилования. См.: [Пушкарева, Мицюк].

взяли обратно в Сыскной приказ с пометой, что она не была беременна, а показала это напрасно [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2359]. Конечно, помимо ненадежных методов диагностики, вердикты «экспертов» из колодничьей избы вызывают сомнения еще и в плане честности: наверняка самим предполагаемым беременным или их мужьям ничего не стоило подкупить колодниц.

Если осмотр подтверждал беременность, то женщину отпускали домой с обязательством вернуться после родов и получить заслуженное наказание. Не вызывает сомнения, что женщины не были заинтересованы в возвращении в Сыскной приказ, а учреждение не имело дополнительных ресурсов для повторного розыска преступниц, поэтому большинство дел с отпущенными роженицами не имеют завершения. Если же осмотр не подтверждал беременность, это еще не значило, что женщина намеренно лгала. Как бы то ни было, точные способы диагностики беременности в XVIII в. были недоступны, и женщинам оставалось полагаться лишь на собственные ощущения и такой ненадежный признак, как отсутствие регул.

Потенциальная возможность быть беременной и неразвитость медицины в плане диагностирования этого состояния давали женщинам преимущества³. Они могли ловко манипулировать информацией о своей беременности и в зависимости от обстоятельств пытаться скрыть ее и выдать за болезнь, изобрести ее или в действительности обрести – забеременеть, уже будучи под арестом, и избежать таким образом наказания или хотя бы оттянуть его, а благодаря законной беременности их просьбы обретали дополнительную ценность.

Заявление об изнасиловании. Как демонстрируют изученные источники, заявление об изнасиловании избирали своим способом защиты женщины, приведенные в Сыскной приказ по обвинению в детоубийстве, или те, чья нынешняя или прошлая беременность вскрывалась в ходе следствия. Подсудимые, понимая, что их и так ждет суровое наказание за убийство новорожденного, не хотели сообщать на допросе еще и о факте внебрачной, а значит, незаконной и караемой связи. Чаще всего женщины показывали, что их изнасиловал неизвестный мужчина или солдат, а свидетелей тому не было. Их слова нельзя было проверить, но в то же время они, не акцентируя внимания, сообщали о насилии, о преступлении, расследование и наказание которого были четко регламентированы Артикулом воинским.

По закону жертва изнасилования, претендующая на правосудие, должна была незамедлительно объявить о произошедшем и предоставить следствию доказательства не только совершенного без ее согласия

---

³ Так, например, в Европе раннего Нового и Нового времени беременность в законном браке, помимо отсрочки в наказании, придавала женщинам особый авторитет в глазах властей и даже позволяла на краткое время обрести дополнительные права. В германских землях XVI–XVII вв. беременные женщины имели особое право просить помилования за осужденного [Rublack, p. 73], а в Англии конца XVII – начала XVIII в. 62 % женщин, приговоренных к смерти, заявляли о своей беременности, и 61 % этих заявлений был успешен [Brown].

полового акта, но и собственных попыток сопротивления [см.: Каменский, 2022, гл. 2]. Иными словами, в том, что имело место именно насилие, еще нужно было постараться убедить суд. Доказать это было нелегко, и женщина, заявившая об изнасиловании, рисковала напрасно предать огласке свой позор. Заявляя же мимоходом в суде о произошедшем значительное время назад преступлении, обвиняемая игнорировала необходимость что-либо доказывать и автоматически без решения суда объявляла себя жертвой, а главное – вводила в рассказ еще одного участника, перекладывая на него ответственность за совершенное преступление.

Тот факт, что впервые информация об изнасиловании появляется в контексте оправдания детоубийства, заставляет сомневаться в правдивости таких заявлений и считать их частью придуманных для защиты историй. Но нельзя и игнорировать активную вовлеченность солдат в разнообразную криминальную деятельность, которую демонстрируют другие дела, позволяя признать, что изнасилования могли быть частым явлением. Женщины же не заявляли об этом вовремя, не желая предавать случившееся огласке, тем более что надежда на правосудие была невелика.

Заявление о подговоре. Во многих случаях обвиняемые в своих показаниях представляли одну и ту же ситуацию: они сообщали о том, что их соблазнил стоявший в доме на постое солдат, который потом уговорил украсть хозяйские вещи и бежать, обещая непременно жениться. Девушки поддавались на уговоры, отдавали украденное своим соблазнителям, те подыскивали им укрытие, и дальше их следы терялись. Как и в случаях с изнасилованиями, солдат редко удавалось отыскать, а если и удавалось, то доказать их причастность было сложно. Можно предположить, что действовали они по отработанной простой, но безопасной и практически беспроектной схеме. С другой стороны, с той же степенью вероятности обвинения в провокации могли быть лишь уловкой, попыткой обвиняемой снять с себя ответственность. Тот факт, что указанных солдат невозможно было отыскать, делал такое обвинение безопасным для женщин, как и обвинения в изнасиловании.

В других делах обвиняемыми выступают беглые дворовые, которых, по их словам, к побегу подговорили другие помещики (или крестьяне других помещиков) либо ранее бежавшие дворовые того же хозяина. Так, в 1749 г. дворовая Марья Можейтиновой Анна Дмитриева на допросе показала, что обокрасть хозяйку и бежать ее подговорила некая «капитанша Ащерина», разыскать которую так и не удалось [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2175].

Нередко обвиняемыми выступали беглые жены, чьи мужья плохо с ними обращались, и сочувствующие женщины помогали им найти выход из ситуации. Например, в 1742 г. 16-летняя Степанида Кириллова, сбежавшая от мужа, перед этим жаловалась соседке, 45-летней Аграфене Алексеевой, что муж ее бьет и «до нее лих», «а потом та Алексеева говорила... буде она с ним не хочет жить, то она ей место сыщет, которой она

говорила, что она с тем мужем жить не хочет, и та де Алексеева велела ей забрать все пожитки, которые она и забрала» [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 770. Л. 5 об.].

Надо отметить, что к такому способу защиты прибегали в основном молодые девушки: либо они действительно в силу своей наивности легче поддавались на уговоры и не видели потенциальной опасности и корыстного интереса подстрекателя, либо стремились переложить ответственность за свои поступки на других, придумывая истории подговоров и соблазнений. Можно предположить, что образ невинной и наивной, а главное, лишенной агентности женщины соответствовал гендерным представлениям и ожиданиям, бытовавшим в обществе того времени, и обвиняемые сознательно или интуитивно стремились воспроизвести на суде эти представления.

Лжесвидетельство. Распространенным способом оправдать себя был оговор: сознаваясь в совершении преступления, женщины называли имя своего сообщника – того, кто толкнул их на преступление или помог его совершить. Именно к категории оговоров, а не подговоров или просто сообщений о соучастии эти способы защиты позволяет отнести то, что в ходе следствия обвиняемые признавались в клевете.

Оговаривая других людей, обвиняемые преследовали разные цели и имели разные мотивы. Одни хотели отомстить. Так, в 1746 г. крестьянка Прасковья Осипова призналась, что оговорила солдатку Феклу Яковлеву «по злобе», потому что она «взятую у нее, Прасковьи, фату, которая была в закладе, потеряла и ей не отдала и поныне» [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1490. Л. 6 об.]. Другие действовали по чьему-то приказу. Солдатская вдова Наталья Прокофьева, например, в 1745 г. оговорила оброчного крестьянина Дмитрия Ловушкина «ис принуждения... доносителя Каина, понеже он ее в доме своем бил, завезав руки, поленом» [Там же. Д. 1286. Л. 15]. Третьи рассчитывали на отсрочку: пока идут поиски названного лица и допросы, все еще может измениться, но самое главное – пытать прямо сейчас не будут.

Но главная цель, которую преследовали клеветницы, – разделить ответственность за совершенное, а значит, и наказание с кем-то еще, чтобы было не так страшно отвечать за все одной. Фактически ту же самую уловку мы видели и в предыдущих двух способах защиты – возглашении «слова и дела», заявлениях об изнасиловании и о подговоре. Судя по всему, именно перекладывание ответственности было самой понятной, близкой и излюбленной «стратегией» людей, столкнувшихся с законом. В этом, однако, не стоит искать гендерной, культурной или временной специфики. Известно, что европейская инквизиция также использовала практику доноительства.

Заявление о нахождении в нетрезвом состоянии на момент совершения преступления. В изученных делах ответчицы или сообщали, что совершили преступление «в пьянстве», или сетовали, что «за безмерным пьянством» ничего о своем проступке не помнят, или упоминали в своих показаниях, что в день совершения преступления пили вино.

Петровское и последующее законодательство однозначно трактовало пьянство не только как отягчающее обстоятельство, но и как отдельное преступление [ПСЗ-1, т. 10, № 7508, с. 407]. Правоприменительная практика, однако, не всегда следовала букве закона: с одной стороны, были случаи приводов в Сысской приказ пьяных и наказаний их за это, с другой – приговоры тем, кто признавался в совершении преступления «пьянским обычаем», не отличались от приговоров по соответствующим статьям преступникам, не имевшим этого отягчающего обстоятельства.

Возможно, слова о пьянстве не являлись элементом защиты и оправдания допрашиваемых и были сказаны без каких-либо скрытых интенций. Однако в связи с тем, что Соборное уложение 1649 г., предположительно следуя предшествовавшей правовой традиции или обычному праву, расценивало нахождение в состоянии опьянения в момент совершения преступления как смягчающее обстоятельство, проводя четкую грань между умыслом и «пьяным делом» [Соборное Уложение], и у преступников оставалась надежда на смягчение приговора. Возможно, обыватели были в какой-то степени знакомы с прежними правовыми нормами, в отличие от новых, петровских.

Заявление о неведении. Обвиняемые порой пытались избежать наказания за торговлю краденым или содержание у себя беглых крестьян, ссылаясь на собственное неведение. Женщины, пойманные на торговле краденым, всегда оправдывались тем, что товар «за чисто, а не за воровское купили» [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 12. Л. 10 об.], признавая при этом, что приобрели вещи «бес порук». Судя по тому, как часто и легко торговки признавались в отсутствии поручительства, они склонны были считать это скорее досадной оплошностью со своей стороны, серьезность которой ни в какое сравнение не шла с серьезностью покупки заведомо краденого. На самом деле факт такой покупки считался преступлением: по закону продавец должен был представить покупателю поручителя, который мог бы подтвердить, что продаваемый товар не был украден. Покупка без гарантии была незаконной и подлежала наказанию. Если же поручитель был, то ответственность за дальнейшие интеракции с краденой вещью нес уже он.

Женщины, которых приводили в Сысской приказ по таким обвинениям, занимались перепродажей разных вещей профессионально, не раз бывали в приводах и несомненно знали «правила игры». Однако возможно, что упоминание о покупке «без порук» в представлении этих женщин могло послужить и оправданием: в таком случае их вина сводилась к излишней доверчивости, из преступниц они превращались в пострадавших, обманутых теми, кто продали им заведомо краденое.

Отказ от первоначальных показаний. Вероятно, смена показаний представляет собой самую нелогичную, нерациональную и непоследовательную модель поведения обвиняемых. Неприятности при этом лишь множились, поскольку «перемена речей» во время пыток вела к повторным пыткам, и доверия судей обвиняемой это не прибавляло.

В то же время довольно значительное число таких дел как нельзя нагляднее демонстрируют метания допрашиваемых, их состояние страха, неспособность к продуманному поведению. Однако тех, кто по прибытии в Сыскной приказ отрекся от признанной ранее вины, все же можно, на наш взгляд, заподозрить в наличии если не стратегии поведения, то по крайней мере некой логики. Речь идет в первую очередь о крепостных, которые сознавались в преступлениях под пытками и побоями со стороны своих господ или других крестьян. Можно предположить, что женщины признавали вину как раз с расчетом попасть в судебное учреждение, устранить тем самым произвол помещика и добиться рассмотрения дела в рамках закона. Так, в 1737 г. крепостная девка Фекла Евсеева была доставлена в Сыскной приказ с признанием в поджоге деревни, но на месте заявила, что оговорила себя, побоявшись побоев помещика [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 297].

Обращают на себя внимание два момента. Во-первых, подробное и реалистичное изложение историй, от которых женщины впоследствии отрекаться: они детально описывают свои чувства, действия и мотивы, а потом заявляют, что все выдумали. Это не дает возможности понять, какая же версия событий в итоге правдива. Во-вторых, все дела, в которых обвиняемые сначала признают вину, а в Сыском приказе отказываются от своих слов, ссылаясь на побои или страх, касаются серьезных преступлений, караемых смертной казнью: это поджог, детоубийство, колдовство. Это наталкивает на мысль о том, что, лишь попав в Сыскной приказ и столкнувшись лицом к лицу с государственной машиной, женщины осознавали всю опасность ситуации и отказывались от своих слов, понимая, что единственный способ остаться в живых – это настоять на своей невинности. Как бы ни были жестоки крестьяне или хозяева, они все же были «своими», и поэтому, хотя их гнев и устрашал, он оставлял шанс на помилование. Закон же был индифферентен к личности и неумолим.

Смена имени и ложь о социальном статусе. Такие показания условно можно поделить на два вида: оспаривание своего крепостного статуса и причисление себя к иной социальной группе. Что касается первого вида дел, то женщины часто демонстрируют поразительную правовую осведомленность: они знают и помнят (или утверждают, что знают и помнят) все перипетии жизненного пути своих предков, кто когда и кого отпустил/закрепостил, есть ли у нынешнего хозяина документы, подтверждающие право на владение обвиняемой, и т. д.

Яркий пример такой подкованности содержится в одном из дел 1747 г. Московский почт-директор Владимир фон Пестель жаловался, что его дворовую Домну Андрееву «за многие ее продерзости и домовые непорядочные поступки» не отправили в ссылку, как он того просил, а наоборот, отпустили на свободу, потому что Домна заявила, что крепость Пестеля на нее фальшивая [Там же. Д. 1643. Л. 1]. Пестель предоставил подтверждение о продаже ему Домны от ее бывшей хозяйки Катерины фон Каркетель. В ответном допросе Домна не только восста-

новила историю закрепощения своей семьи и многочисленные передачи ее членов от одного хозяина к другому, но и в правовых терминах обосновала несостоятельность претензий на нее Пестеля. Во-первых, она указала, что крепость «за действительную и причесть не можно, ибо она нигде не явлена и не записана, и пошлин не плачено» [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Л. 27]. Во-вторых, заявила, что предъявленной Пестелем крепости на Домну «никак верить не можно» [Там же. Л. 24], потому что Катерина фон Каркетель не расписалась в ней сама, а кроме того, она уже четвертый год находится при муже и в Петербурге, где была оформлена сделка, в прошлом году точно не была. В-третьих, в подушный оклад ни ее отец, ни муж записаны не были. После этого краткого правового экскурса служащие Сысского приказа Домну отпустили. Приведенный пример уникален. Нам больше не встретилось ни одного случая, в котором участники дела в принципе приводили бы какие-либо логичные доводы в обвинение или в свою защиту, не говоря уже о знании законов и требований к оформлению документов.

В остальных подобных делах женщины либо также ставят под сомнение наличие у истца крепости на них, либо заявляют о том, что их мужья стали солдатами, и они, соответственно, теперь свободны. В этих случаях обвиняемые были крепостными, и свой самовольный уход от помещика они пытались поставить в законные рамки. Неизвестно, действительно ли они верили в легальность своего ухода или придумывали оправдание постфактум, но женщины из другой группы дел вполне осознанно шли на ложь, в чем довольно скоро признавались. Например, 45-летняя Акулина Иванова в 1748 г. сначала рассказала, что 25 лет назад была выдана замуж за солдата, ее муж уже давно ушел в поход, и больше сведений о нем она не имеет [Там же. Д. 1870]. Однако спустя короткое время она подала челобитную, в которой призналась, что она не солдатская жена, а девка вдовы Воейковой.

Едва ли примеров успешного изобретения себе «алиби» было много: нужно было выдумать убедительную историю, предусмотреть ответы на вопросы, которые вдруг могли возникнуть, назвать имена людей, подтвердивших бы показания в случае необходимости, нужно было придерживаться придуманной «легенды» на допросах и под пытками, что было самым трудным, уже не говоря о том, что солдатские жены должны были иметь при себе паспорт, и едва ли в Сысском приказе не смогли бы распознать фальшивый документ. Таким образом, если ссылки на нормы закона и обоснование своей правоты в правовых терминах могли склонить чашу весов на сторону обвиняемых, то попытки представить выдуманную историю в большинстве своем были обречены на провал.

Заявление о невменяемости. В нескольких делах обвиняемые объясняли свои поступки тем, что находились в момент совершения преступления «в беспаметстве», «в безумии». Л. Янгулова пишет о том, что понятие о норме в отношении психического здоровья и, соответственно, об отклонении от нормы распространилось в России лишь к концу XVIII – началу XIX в. [Янгулова, с. 199]. До этого же времени

не существовало специальных домов для умалишенных, «культурно-религиозные практики обращения с тем, что называлось безумием, практически замещались административной процедурой инкарцерации» [Янгулова, с. 205], а «отношение к проявлениям безумия определялось в зависимости от случая» [Там же, с. 199].

К середине XVIII в. уже имелось несколько указов, касавшихся «дураков», из которых видно, что государство признавало существование душевнобольных людей и стремилось придать им особый правовой статус [ПСЗ-1, т. 2, № 700, с. 110; т. 6, № 3949, с. 643]. Выражаясь современным языком, эти законы вводили категорию недееспособности для психически больных, однако недееспособность распространялась лишь на *права* таких подданных, но не на их *обязанности*. Иными словами, придание этим людям особого статуса и признание их неспособности распоряжаться имуществом, исполнять службу и состоять в браке не вели к юридическому признанию того, что они не в состоянии были отвечать за совершенные правонарушения.

Судя по тому, что женщин, заявивших в Сыскном приказе о собственном безумии, пытали и наказывали, не отправляя на освидетельствование, а также судя по совершенно ничтожному количеству таких заявлений, эти слова едва ли можно считать частью оправдания. Не исключено, что под безумием и беспамятством женщины подразумевали как раз временное помешательство – аффект, а не болезнь.

В стратегиях, выделенных Н. Земон-Дэвис, прослеживаются не только социальная, но и гендерная самоидентификация и саморепрезентация. Очевидно, что француженки не только сознавали свое положение в мужском обществе, предписанные роли, дозволенные и недозволенные эмоции и поступки, но и умели этим знанием манипулировать. В историях, рассказанных арестантками Сыскного приказа, мы едва ли можем выделить гендерно окрашенные мотивы, кроме, разумеется, заявлений о беременности. Женщины часто прямо и по собственному побуждению заявляли о совершении преступления «пьянским обычаем» или «по злобе», а в качестве мотивов своих поступков называли совершенно неприемлемые для француженок XVI в. эмоции: обиду, зависть, гнев, желание отомстить. Это не значит, что русские женщины не сознавали своего положения, связанных с ним ограничений и не пытались извлечь из него выгоду. Н. Коллманн убедительно показала, что это не так [см.: Коллманн, гл. 2]. Скорее дело здесь в особенностях фиксации показаний, рациональности участников судебного разбирательства и в их понимании функционирования судебной системы.

В российских судебно-следственных делах повторяются модели поведения обвиняемых, демонстрирующие иррациональность и последовательность, а скорее даже импульсивность и непродуманность действий. Из общей логики функционирования судебно-следственной системы России XVIII в. и из последствий таких необдуманных поступков становится очевидно, что обвиняемые действовали в зависимости от сложившейся на данный момент ситуации, не продумывая

свои действия на несколько шагов вперед. Но если они понимали, что им грозит скорое наказание, они отчаянно дергали за доступные рычаги, даже если в итоге их положение ухудшилось бы, лишь бы оттянуть страшный момент, выиграть время и обрести какую-то надежду.

Приговоры по изученным нами делам демонстрируют, что уловки, к которым прибегали обвиняемые, редко давали результат. В отдельных случаях они помогали отсрочить или смягчить наказание, реже – избежать его совсем. Однако такие случаи были скорее исключением из правила. В основном для судей существовали лишь факт совершения преступления, слова свидетелей, результаты пыток и буква закона. На наш взгляд, это объясняется особенностями уголовного судопроизводства в России Нового времени: если речь шла о преступлении, государство было невосприимчиво к обстоятельствам, не прописанным в законе, к оправданиям, убеждениям и разного рода манипуляциям.

Библиографические ссылки

Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 720 с.

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М. : РГГУ, 2006. 403 с.

Каменский А. Б. Феномен самоубийства в России XVIII в. // Вивліофіка: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2020. Т. 8. С. 1–26. DOI 10.21900/j.vivliofika.v8.789.

Каменский А. Б. Любовь, страсть и отчаяние – русские преступления XVIII века. СПб. : Алетей, 2022. 406 с.

Коллманн Н. Соединенные честью / пер. с англ. А. Каменского. М. : Древлехранилище, 2001. 459 с.

Кошелева О. Е. Обман и «сушая правда» в процессе судебных разбирательств в России XVIII в. // История : электрон. науч.-образоват. журн. 2018. Т. 9, вып. 9 (73). URL: <https://history.jes.su/s207987840002505-4-1> (дата обращения: 28.05.2024). DOI 10.18254/S0002505-4-1.

Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. С. 408–425.

Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М. : Древнехранилище, 2000. 572 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 2, 6, 10.

Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Повивальные бабки в истории медицины России (XVIII – сер. XIX в.) // Вестн. Смолен. гос. мед. акад. 2018. № 1. С. 179–189.

РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 12, 297, 770, 858, 863, 1286, 1329, 1490, 1643, 1870, 2175, 2345, 2359.

Соборное уложение 1649 года. Гл. 21, ст. 69, 71, 73 // Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984–1994. Т. 3. Акты земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. С. 83–257.

Янгүлова Л. В. Юродивые и умалишенные: генеалогия инкарцерации в России // Мишель Фуко и Россия : сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб. ; М. : Европ. ун-т в С.-Петербурге : Летний сад, 2001. С. 192–212.

Brown S. The Princess of Monaco's Hair: The Revolutionary Tribunal and the Pregnancy Plea // J. of Family History. 1998. Vol. 23, № 2. P. 136–158. DOI 10.1177/036319909802300203.

Rublack U. The Crimes of Women in Early Modern Germany. Oxford : Clarendon Press, 1999. 292 p.

Zemon Davis N. *Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth Century France*. Stanford, California : Stanford Univ. Press, 1987. 217 p.

References

Anisimov, E. V. (1999). *Dyba i knut: politicheskii syisk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [The Rack and the Whip: Political Investigation and Russian Society in the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 720 p.

Brown, S. (1998). The Princess of Monaco's Hair: The Revolutionary Tribunal and the Pregnancy Plea. In *J. of Family History*. Vol. 23. No. 2, pp. 136–158. DOI 10.1177/036319909802300203.

Kamenskii, A. B. (2006). *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvatelei. Istoricheskie anekdoty iz provintsial'noi zhizni XVIII v.* [Everyday Life of Russian Urban Dwellers. Historical Anecdotes from the Provincial Life of the 18th Century]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 403 p.

Kamenskii, A. B. (2020). Fenomen samoubiistva v Rossii XVIII v. [The Phenomenon of Suicide in 18th-Century Russia]. In *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. Vol. 8, pp. 1–26. DOI 10.21900/j.vivliofika.v8.789.

Kamenskii, A. B. (2022). *Lyubov', strast' i otchaianie – russkie prestupleniya XVIII veka* [Love, Passion, and Despair – 18th-Century Russian Crimes]. St Petersburg, Aleteiya. 406 p.

Kollmann, N. (2001). *Soedinennye chest'yu* [By Honor Bound] / transl. by A. Kamenskii. Moscow, Drevlekhranilishche. 459 p.

Kosheleva, O. E. (2018) Obman i “sushchaya pravda” v protsesse sudebnykh razbiratel'stv v Rossii XVIII v. [Deception and “Real Truth” during Legal Proceedings in Russia in the 18th Century]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*. Vol. 9. Iss. 9 (73). URL: <https://history.jes.su/s207987840002505-4-1> (accessed: 28.05.2024). DOI 10.18254/S0002505-4-1.

Kratkoe izobrazhenie protsessov ili sudebnykh tyazheb [Brief Depiction of Processes or Litigation]. (1984–1994). In Chistyakov, O. I. (Ed.). *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 t.* Moscow, Yuridicheskaya literatura. Vol. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma, pp. 408–425.

Lavrov, A. S. (2000). *Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg.* [Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740]. Moscow, Drevlekhranilishche. 572 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 2, 6, 10.

Pushkareva, N. L., Mitsyuk, N. A. (2018). Povival'nye babki v istorii meditsiny Rossii (XVIII – ser. XIX v.) [Midwives in the History of Medicine in Russia (18th– 19th Centuries)]. In *Vestnik Smolenskoi gosudarstvennoi meditsinskoi akademii*. No. 1, pp. 179–189.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 372. List 1. Dos. 12, 297, 770, 858, 863, 1286, 1329, 1490, 1643, 1870, 2175, 2345, 2359.

Rublack, U. (1999). *The Crimes of Women in Early Modern Germany*. Oxford, Clarendon Press. 292 p.

Sobornoe Ulozhenie 1649 goda. Gl. 21, st. 69, 71, 73 [Council Code of 1649. Part 21, Articles 69, 71, 73]. In Chistyakov, O. I. (Ed.). *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 t.* Moscow, Yuridicheskaya literatura. Vol. 3. Akty Zemskikh soborov / ed. by A. G. Man'kov, pp. 83–257.

Yangulova, L. V. (2001). Yurodivye i umalishennye: genealogiya inkartseratsii v Rossii [God's Fools and the Insane: A Genealogy of Incarceration in Russia]. In Kharkhordin, O. (Ed.). *Mishel' Fuko i Rossiia. Sbornik statei*. St Petersburg, Moscow, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, Letnii sad, pp. 192–212.

Zemon Davis, N. (1987). *Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth Century France*. Stanford, California, Stanford Univ. Press. 217 p.

The article was submitted on 30.06.2023